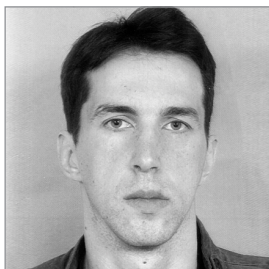

ИЗМЕРЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО: АПОЛОГИЯ ОДНОЙ АНАЛОГИИ

Рогонян Гаррис Сергеевич – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: rogonyan@gmail.com

В статье рассматриваются аргументы за и против аналогии с измерением, предложенной некоторыми философами в качестве иллюстрации семантической неопределенности. В рамках данной аналогии приписывание значений языковым выражениям сравнивается с приписыванием чисел тем или иным свойствам объектов в соответствии с определенной теорией измерения. Дональд Дэвидсон использовал эту аналогию для того, чтобы распространить тезис У.В.О. Куайна о неопределенности перевода на интерпретацию всего человеческого поведения, т. е. не только на языковые значения, но и на все ментальные состояния как таковые. В статье обосновывается несостоятельность некоторых контраргументов, выдвинутых против использования Дэвидсоном данной аналогии и против тезиса о неопределенности в целом. В частности, приводятся аргументы против инструменталистского понимания данной аналогии, основанного на отождествлении семантической неопределенности с недоопределенностью теорий эмпирическими данными. В статье делается вывод, что семантическая неопределенность во многом основана на неопределенности рациональности.

Ключевые слова: интерпретация, референция, неопределенность значения, недоопределенность, теория измерения

MEASURING THE MENTAL: AN APOLOGY FOR THE ANALOGY

Garris Rogonyan – Ph.D. in Philosophy, associate professor. National Research University Higher School of Economics. 16 Soyuz Pechatnikov St., Saint-Petersburg, 190008, Russian Federation; e-mail: rogonyan@gmail.com

The article considers pros and cons for a theoretic-measurement analogy, proposed by some philosophers as an illustration of semantic indeterminacy. Within this analogy ascribing of meanings to a certain linguistic expressions is compared with attribution of numbers according to a certain theory of measurement. Donald Davidson used this analogy in order to extend W.V.O. Quine's thesis of indeterminacy of translation to the interpretation of all human behavior. In other words, not only linguistic meanings, but all mental states are considered as indeterminate. The article explains the failure of some counter-arguments put forward against Davidson's use of this analogy and against the thesis of indeterminacy on the whole. Particularly, instrumentalist version of the analogy is rejected for there is no direct relation between indeterminacy and underdetermination of theories by empirical evidences. The article concludes that the semantic indeterminacy is largely based on indeterminacy of rationality.

Keywords: interpretation, reference, indeterminacy of meaning, underdetermination, theory of measurement

Семантические объекты

Подход Дональда Дэвидсона к решению проблем, связанных с понятием убеждения, для многих выглядит довольно непривычным. Индивидуация убеждений и их содержания, полагает он, возможна *только* с помощью предложений, а не с помощью неких ментальных объектов или репрезентаций, которые представляли бы перед нашим «внутренним взором» как особым видом восприятия таких объектов или сущностей. Известно, что реляционная семантика обычно настаивает на том, что убеждения индивидуируются с помощью неких внутренних ментальных объектов, которые являются содержанием этих убеждений, и что владелец убеждения находится в особом психологическом контакте с ним. Именно поэтому с его стороны не может быть никакой неопределенности как относительно содержания своего убеждения, так и относительно значения произносимых им слов. Однако если количество убеждений, которые можно кому-то приписать, бесконечно, то должно существовать и бесконечное множество сущностей, с помощью которых это можно сделать [Davidson, 2001b, p. 173]. Но тогда, заключает Дэвидсон, для каждого убеждения должен существовать свой уникальный объект. А поскольку объектов, которые могли бы выполнять эту роль для конкретного убеждения, больше чем один, то непонятно, к какому из них субъект имеет психологическое или эпистемологическое отношение (т. е. какой именно объект он «схватывает», «усматривает», осознает и т. д.). Более того, получается, что каждый такой уникальный объект должен обладать уникальным именем или дескрипцией, все бесконечное многообразие которых субъект просто не в состоянии запомнить [Davidson, 2001b, p. 74].

Дэвидсон полагает, что нам надо отказаться от того, чтобы считать грамматические объекты предложений психологически реальными объектами. Единственный объект, который в данном случае необходим для существования убеждения, это сам индивид. Иметь убеждение значит быть в определенном состоянии, а быть в определенном состоянии не означает, что есть такая *сущность*, которая и есть то состояние, в котором некто находится. Все, что нужно для описания этого состояния, это предикат, который был бы истинным относительно того, кто находится в данном состоянии – для этого мы и используем предикативные предложения. Короче говоря, убеждения – это не некие сущности, и «объекты убеждения» не обязаны быть объектами в буквальном смысле слова. Впрочем, отмечает Дэвидсон, это дело выбора, считать ли, что значения и пропозиции существуют подобно неким объектам. Поскольку даже если они и постулируются в качестве таковых, то только как абстрактные сущности, которым,

для того, чтобы их ввести и использовать, требуется лишь определение. А дальше все зависит от того, полезны они, выполняя ту или иную функцию в объяснении, или нет [Davidson, 2001b, p. 74]. Однако отклонив апелляцию к такого рода объектам, мы можем непосредственно сопоставлять убеждения и предложения. В конечном счете, реляционными, по мнению Дэвидсона, являются вовсе не убеждения в качестве пропозициональных объектов, а предложения, причем, в первую очередь – для интерпретатора, который приписывает кому-то ту или иную пропозициональную установку.

Содержание аналогии

В качестве иллюстрации Дэвидсон предлагает следующую аналогию. Возможно, предложения об убеждениях, не будучи именами или дескрипциями интенциональных объектов, построены так же, как и предложения, приписывающие различные величины при измерении тех или иных свойств объектов (например, вес, размеры, скорость и т. д.). Вес или температура не являются отдельными объектами, которые мы измеряем – они являются свойствами измеряемого объекта. Температура или вес в этом смысле не обладают собственной онтологией. При измерении отдельной вещи мы соотносим не два объекта – «вес вещи» и «2 килограмма», – а саму эту вещь, ее свойство (т. е. ее вес в килограммах) с числом 2. Причем сами эти величины, разумеется, не являются еще одними объектами или частями объектов, поскольку принадлежат не эмпирическому миру, а нам – в качестве инструментов для изучения свойств объектов и отношений между ними [Davidson, 2001b, p. 74]. То же касается и убеждений и других пропозициональных установок – они не являются особыми сущностями или объектами, которые находились бы где-то внутри субъекта как содержания особой сферы. Подобно весу или температуре они являются реальными свойствами субъекта, относительно которых можно утверждать что-то истинное или ложное.

Но для того, чтобы репрезентировать определенное свойство объекта, сущности, которые мы для этого используем, должны иметь определенную структуру. И числа превосходно справляются с этой задачей, причем самыми разными способами. Теории измерения, говорит Дэвидсон, «налагают формальные ограничения на придание числовых значений и потому эмпирически могут быть связаны с наблюдаемыми качественными феноменами» [Дэвидсон, 2003, с. 313]. Следовательно, нам нужны такие сущности, которые позволяли бы воспроизводить структуру именно этих свойств индивидов. А поскольку наиболее отличительной чертой убеждений как пропозицио-

нальных установок является их принципиально рациональная структура и связь с миром, то очевидно, что воспроизводить указанные характеристики убеждений могут только наши предложения, поскольку и они обладают этими характеристиками. Собственно, именно поэтому мы и используем их для индивидуации наших убеждений [Davidson, 2001b, p. 76].

Итак, каждая теория измерения опирается на некие примитивные, строго не определенные, но интуитивно очевидные понятия – такие, например, как «быть таким же тяжелым», «быть менее холодным» и т. д. Теория налагает на эти понятия ограничения в виде аксиом, делая их более строгими и точными за счет установления логических отношений между ними. То же самое происходит и в семантической теории: она «налагает определенную структуру на любой описываемый ею язык; устанавливая условия истинности всех предложений этого языка, она автоматически определяет логические отношения между предложениями» [Davidson, 2001b, p. 131]. Определенные свойства чисел и отношений между ними позволяют нам *отслеживать* интересующие нас свойства измеряемых объектов, а также отношений между ними, выделяя их среди того множества свойств, которым эти объекты обладают (например, когда нас интересует температура, а не вес). Подобным же образом и определенные свойства предложений, а также отношения между ними, позволяют нам отслеживать ментальные свойства окружающих нас людей и отношения между этими свойствами, но опять же – отвлекаясь от всех прочих, например, таких, как вес, температура, рост человека и т. д.

Однако не только убеждения, но и языковые значения допускают аналогию с измерением. Следовательно, подобно тому, как мы используем числа для определения веса объектов, мы используем предложения нашего языка (также заранее интуитивно понятного нам) для того, чтобы установить и проследить семантические свойства и отношения объектного языка: «[ч]то делает числа столь подходящими для их работы, так это то, что мы точно знаем ту структуру, которой они обладают. Подобным же образом и предложения языка, который мы понимаем, имеют известную нам структуру, которую мы используем для понимания других» [Davidson, 2001b, p. 132].

Очевидно, что различные теории измерения используют различные свойства чисел для того, чтобы отслеживать те или иные отношения между измеряемыми объектами [Davidson, 2001b, p. 132]. Например, измерение веса и температуры является транзитивным, т. е. подчиняется правилу «если a больше b и b больше c , то a больше c ». При этом результаты измерения веса являются аддитивными величинами, а температуры – нет. Далее, в рамках одной теории измерения (например, температуры) могут быть использованы разные способы придания числового значения, которые в целом, однако, эквивалентны друг

другу: «Одни и те же факты могут быть представлены совершенно разными присваиваниями чисел» [Дэвидсон, 2003, с. 210]. Например, измерения температуры по шкале Цельсия и по шкале Фаренгейта предполагают линейное преобразование, так же как измерение в килограммах может быть трансформировано в измерения в фунтах¹.

Здесь важно отметить, что наличие эмпирически эквивалентных систем измерения говорит о *неопределенности* измерения – но только в смысле выбора определенного способа измерения, а не онтологической относительности результатов измерения. Само температурное состояние при этом остается тождественным. Неопределенность измерения, в данном случае, параллельна семантической неопределенности перевода и интерпретации, которая подразумевает бесконечное множество альтернативных, но в равной мере истинных способов перевода или интерпретации того или иного предложения. Действительно, переходя от одного способа измерения к другому, мы всегда сосредоточены на определенном инварианте в измерении, который, как отмечает Дэвидсон, и является эмпирически значимым [Davidson, 2001b, p. 215]. Если бы такого инварианта не было, то не было бы и того эмпирического содержания, которое мы могли бы измерить. То же самое можно сказать не только о весе или температуре, но и о значениях слов, которые выступают инвариантом для различных способов перевода и интерпретации: «Значение (интерпретация) некоторого предложения устанавливается посредством назначения предложению семантического местоположения в модели предложений, соответствующих определенному языку. Различные теории истины могут задавать различные истинностные условия одному и тому же предложению <...> тогда как эти теории ... согласны между собой по поводу роли предложений в языке» [Дэвидсон, 2003, с. 313–314]. Иными словами, какие бы способы перевода чужого предложения мы не выбрали, они всегда будут сохранять некую общую информацию (то самое семантическое местоположение в логическом пространстве), которую часто ассоциируют с буквальным значением слов. Именно на нее мы опираемся в своем языке и ориентируемся в чужом [Дэвидсон, 2003, с. 213]. Поэтому «[н]еопределенность значения или перевода не представляет собой неспособность схватывания существенных различий; она отмечает тот факт, что некоторые очевидные различия не являются существенными» [Дэвидсон, 2003, с. 219].

¹ Однако произвольность в выборе шкалы имеет свои ограничения. Выбрав шкалу измерения, мы подчиняемся ее правилам и логике, поскольку каждая шкала представляет собой особое логическое пространство, предназначенное для выполнения определенной работы.

Структура аналогии

Однако для того, чтобы иметь возможность приписывать бесконечное множество самых разных убеждений (и других пропозициональных установок), предложения должны быть устроены определенным образом. В качестве предиката для приписывания убеждений мы используем следующую конструкцию: она должна иметь реляционный глагол (допустим, «думает»), связывающий референцию к индивиду, которому мы приписываем убеждение, с пустой формой, которая может быть заполнена референцией к любому объекту из потенциально бесконечного множества, как, например, в «Галилей думает, что __ __». Только объектом в данном случае выступает предложение содержания. Подобно тому, как предложение, описывающее температуру комнаты, связывает комнату (ее температурное состояние) и определенные числа (как один из способов описания этого состояния), так и предложение, приписывающее человеку убеждение («Галилей думает»), связывает этого человека с другим предложением (допустим, «Земля вертится»), которое воспроизводит структуру его ментального состояния [Дэвидсон, 2003, с. 194–195]. Предложение «Земля вертится» и определенный человек связаны в предложении «Галилей думает, что Земля вертится» так же, как «15 градусов по Цельсию» связано с комнатой в предложении «Температура комнаты – 15 градусов по Цельсию». Тот человек, которому это убеждение кто-то приписывает, может даже не задумываться о нем, и уже тем более о том предложении, с помощью которого это убеждение можно было бы приписать ему. Но как только он скажет «Я тоже так думаю», отношение к этому предложению («Земля вертится») будет установлено и им самим. Суть данного подхода, заключается не столько в той связи, которую устанавливают между тем, кому приписывают убеждение, и предложением, с помощью которого это делают, сколько в том, что объекты (предложения) используемые для индивидуации убеждения, могут быть неизвестны самому этому человеку. Это означает, что использование нами в семантических целях определенных сущностей для приписывания убеждений вовсе не предполагает, что вообще должны быть такие объекты, с которыми тот, кому мы их приписываем, должен находиться в каком-либо психологическом контакте [Davidson, 2001b, p. 59].

Холизм

Наконец, стоит отметить, что семантический холизм и холизм ментального указывают на еще один довод в пользу аналогии с измерением. Дело в том, что как в случае теории измерения, так и в случае

семантической теории их аксиомы должны быть релевантны для всех выбранных объектов и свойств. Если, например, требования транзитивности при измерении веса не соблюдаются, то и вся данная теория в этом случае оказывается нерелевантной – речь идет уже не об измерении веса. Данное обстоятельство говорит о том, что холистической является не только семантическая, но и любая физическая теория: «[в]ся серьезная наука является холистической» [Davidson, 2004, p. 148].

Однако описанная аналогия является только вершиной айсберга. Отношения между значениями и убеждениями говорящего становятся еще сложнее, как только мы добавим к ним третий фактор, который нельзя не учитывать при интерпретации чужого поведения. Речь идет о желаниях и субъективных предпочтениях. Действительно, когда мы приписываем кому-либо то или иное ментальное состояние с помощью определенного предложения, то мы делаем это с определенной *долей* уверенности относительно истинности этого предложения; и с определенной *степенью* предпочтения этого предложения вместо другого. И наоборот, когда мы интерпретируем чью-то речь, необходимо учитывать, почему в этом случае говорящий утверждает одно предложение, а не другое, а также то, до какой степени он уверен в его истинности, желает ее, надеется или боится и т. д. **Тем не менее, в теории принятия решений, говорит Дэвидсон, можно точно установить те свойства чисел, которые подходят для измерения ожидаемой полезности или вероятности** [Дэвидсон, 2003, с. 210]. Тогда как наши суждения в отличие от чисел, говорит Дэвидсон, «перенасыщены» свойствами (*overdesigned*) и поэтому являются более неопределенными. Действительно, если учитывать взаимозависимость мнений, значений и оцениваний, то неопределенность только возрастает. Как указывает Джон Коллинз, суть подхода Дэвидсона заключается в том, что неопределенными будут не только самые лучшие интерпретации намерений агента, но неопределенным будет и то, с какой именно неопределенностью мы имеем дело – с неопределенностью убеждения, желания, значения или всего этого вместе [Collins, 1999, p. 505].

Критика

У аналогии с измерением есть свои критики и сторонники². Среди последних, в частности, есть такие, кто делает довольно радикальный вывод относительно реальности ментальных состояний, рассматривая их с инструменталистской точки зрения [Churchland, 1979, p. 100–

² Более того, Роберт Мэтьюз и Эли Дреснер рассматривают такой подход к приписыванию пропозициональных установок уже не в качестве аналогии, а в качестве полноценной теории [Matthews, 2007; Dresner, 2006].

107; Dennett, 1987, p. 123–124]. Так, Черчленд понимает приписывание ментальных предикатов, равно как и физических величин длины, веса, скорости и т. п., по аналогии с наречиями. Поскольку последние отвечают на вопрос «как?», а не «что?», то тем самым решается и проблема онтологии подобных предикатов – это не более, чем диспозициональные понятия [Davidson, 2001b, p. 60]. Однако Дэвидсон в связи с этим отмечает, что аналогия с измерением и числами имеет то преимущество, что использование таких абстрактных объектов, как предложения для приписывания пропозициональных установок никоим образом не дискредитирует реальность этих установок в качестве ментальных состояний. Подобно тому, как одно и то же убеждение можно описывать с помощью разных предложений, так и вес можно измерять в фунтах или килограммах, а температуру по шкале Цельсия или Фаренгейта, не ставя при этом под сомнение реальность этих свойств. То, что одну и ту же мысль можно приписывать с помощью самых разных предложений, причем не обязательно синонимичных, говорит всего лишь об избыточности нашего языка, т. е. имеющихся у нас средств для приписывания установок, а не о нереальности пропозициональных установок.

С другой стороны, такие философы, как Джон Серль и Джерри Фодор, также видят в холизме и тезисе о неопределенности угрозу реальности ментальных состояний и значений [Searle, 1987; Fodor, 1987]. Однако в отличие от инструменталистов они рассматривают эту угрозу как *reductio ad absurdum* данного подхода. Они считают, что невозможно, чтобы две разные интерпретации соответствовали одной и той же мысли какого-либо человека: если мы используем разные сущности для «схватывания» мысли, то и мысли (ментальные состояния) должны быть разными [Davidson, 2001b, p. 65]. Похожее возражение выдвигает и Тим Крейн. В частности, он пишет: «Например, я могу быть связан с пропозицией *Здесь нет пива* отношением мнения и с *У меня есть немного пива* отношением желания. Но разумеется эти мнение и желание являются разными состояниями, тогда как очевидно, что ‘2.2 фунта’ и ‘1 килограмм’ – это два разных способа указать на *одно и то же* свойство мешка с сахаром – его вес» [Crane, 1990, p. 228]. Крейн, однако, игнорирует то, что в его примере речь идет не только о двух разных описаниях, но и о двух разных состояниях, тогда как в аналогии с измерением речь идет только об одном состоянии. Правда, он далее уточняет, что речь у него идет о пропозициях, а не о предложениях, поскольку пропозиции влияют на то, с какими убеждениями мы имеем дело, тогда как предложения естественного языка – нет (числа также не влияют на то, с каким весом или температурой мы имеем дело – они только отмечают их) [Crane, 1990, p. 229]. **Отношения к числам и предложениям – это псевдо-отношения, реальные отношения возможны только с пропозициями.**

В качестве примера Крейн предлагает состояние *быть сыном*. Такое состояние необходимо предполагает определенного отца, который при этом, разумеется, не может быть произвольно выбранной единицей по отношению к данному состоянию. Таким же образом и пропозиция, подобно отцу, делает убеждение (или любое другое состояние) тем, что оно есть. Крейн, однако, не учитывает, что в аналогии с измерением важны не какие-то «реальные отношения» с пропозициями, а именно произвольные описания. В данном случае это были бы (помимо «сына») «первенец», «брат», «внук», «племянник», «наследник» и т. д., которые, будучи синонимичными, давали бы в определенной ситуации эквивалентные описания чьего-либо положения в той или иной системе родства.

Другое известное возражение тесно связано по своему содержанию с предыдущим, но носит более общий характер. Так, Кирк Людвиг и Эрнест Лепор утверждают, что аналогия Дэвидсона не состоятельна по той причине, что в отличие от измерения температуры «утверждения о значении... которые с точки зрения радикального интерпретатора в равной мере подтверждаются, не могут все вместе быть истинными» [LePore, Ludwig, 2005, p. 245]. Этот вывод они делают на основании более общего заявления относительно несостоятельности тезиса о семантической неопределенности и связанного с ней метода радикальной интерпретации. Здесь важно понимать, что подобно другим авторам, выступающим как против, так и в защиту тезиса о неопределенности, они практически отождествляют его с недоопределенностью теорий с эмпирическими данными. Семантическая неопределенность понимается ими как *результат* недоопределенности выбора в пользу той или иной теории на основании всех доступных радикальному интерпретатору свидетельств [LePore, Ludwig, 2005, p. 223]. Иными словами, выбор интерпретатора между имеющимися в его распоряжении теориями является неопределенным не потому, что они все в равной степени хороши, а потому, что они все в равной мере *ущербны* – ущербны потому, что нет окончательного свидетельства в пользу одной из них. Недоопределенность понимается ими как недоподтвержденность. Ущербность в этом смысле означает, что ни одна из них не дотягивает до статуса одной *единственной* истинной теории – все имеющиеся свидетельства в равной мере говорят в пользу любой из них. (В тех случаях, когда это не так, наш выбор определен тем, в пользу какой из них имеется больше свидетельств.) Именно эта неявная предпосылка – истинная теория может быть только одна – и делает альтернативные теории конкурирующими между собой и интуитивно *несовместимыми*. А это означает, в свою очередь, что данные теории несовместимы между собой как истина и ложь. Неопределенность в выборе между

двумя альтернативными теориями является результатом отсутствия окончательного знания о том, какая из них истинная, а какая ложная [LePore, Ludwig, 2005, p. 221–227]³.

Всего этого, в принципе, уже достаточно, чтобы сказать, что все усилия авторов обосновать свои возражения Дэвидсону относительно тезиса о неопределенности и аналогии с измерением сводятся на нет их же собственной невнимательностью. Но об этом чуть ниже. Однако авторы формулируют и отдельное возражение против аналогии с измерением. Так, они заявляют, что структура, которую мы используем для измерения и репрезентации определенных свойств какого-либо феномена, богаче самого этого феномена [LePore, Ludwig, 2005, p. 245]⁴. В таком случае отношения между предложениями радикального интерпретатора (метаязык) будут богаче и сложнее отношений между предложениями того, кого он интерпретирует (объектный язык). Это объясняет множество равновероятных интерпретаций какого-либо предложения из объектного языка и неопределенность в их выборе, несмотря на то, что все они «строго несовместимы» между собой [LePore, Ludwig, 2005, p. 246]. Авторы настаивают на том, что это единственно правильное понимание аналогии. По их мнению, именно эта асимметрия между метаязыком и объектным языком, а также строгая несовместимость имеющихся в нашем распоряжении теорий подрывают саму возможность радикальной интерпретации. Для того, чтобы выбрать в своем языке интерпретацию для объектного языка, радикальному интерпретатору необходимо сам метаязык сделать (вторым) объектным языком, относительно интерпретации которого он также должен будет сформулировать корректную тео-

³ Похожую ошибку совершает и Пирс Роулинг, сближая неопределенность и недоопределенность. Правда, он полагает, что реальности ментальных состояний угрожает их якобы полная зависимость от свидетельств наблюдаемого поведения. А недоопределенность этими свидетельствами, наоборот, говорит о том, что ментальные состояния *трансцендентны* по отношению к ним и, в этом смысле, реальны. Поэтому неопределенность следует понимать как «просто недоопределенность» [Rawling, 2001, p. 249–252]. Более того, Роулинг делает то, от чего Дэвидсон как раз предостерегал. Он полагает, что убеждения – это инвариантные *объекты*, которым мы приписываем числа в виде наших предложений. А поскольку предложения могут быть разные, то варьируются и содержания наших интерпретаций, которые мы приписываем этим объектам-убеждениям [Rawling, 2013, p. 256–258]. В результате инвариантности объектов-убеждений угрожает вариативность приписываемых содержаний. Решение проблемы ему видится в независимости первых от наблюдаемого поведения, на основе которого мы их по-разному и интерпретируем. Так неопределенность альтернатив становится недоопределенностью трансцендентного инварианта.

⁴ В частности, они ссылаются на самого Дэвидсона: «Зная о богатстве структуры, репрезентируемой множеством наших предложений, и зная о природе связей между членами этого множества и миром, нас не должно удивлять, что есть много способов приписывать наши собственные предложения предложениям и мыслям кого-то еще, чтобы ухватить в них то, что нас интересует» [Davidson, 2001b, p. 214].

рию. Однако он будет не в состоянии это сделать, поскольку опять же столкнется со множеством равновероятных, но несовместимых альтернатив [LePore, Ludwig, 2005, p. 247].

Здесь стоит сразу отметить, что Дэвидсон, кажется, нигде не говорит, что язык и система убеждений того, кого интерпретируют, *беднее* языка и системы убеждений радикального интерпретатора. Кроме того, не совсем понятно, почему концептуальное богатство языка радикального интерпретатора сопоставляется авторами со всем языком интерпретируемого, а не с одним из его убеждений или с тем, что тот имел в виду в определенный момент. Только в последнем случае замечание Дэвидсона о богатстве языка имеет смысл – как относительно приписывания кому-либо бесконечного множества убеждений и значений, так и относительно бесконечного множества способов приписать кому-либо одно и то же убеждение или значение. Более того, все то же самое можно сказать и об объектном языке: сам интерпретируемый имеет все те же возможности и ресурсы в приписывании самому себе тех или иных значений и убеждений. В конечном счете, температура не является языком и не обладает им, чтобы такое сравнение «богатый\бедный» было адекватным – температуру надо сравнивать с ментальными состояниями, а не с языком. С другой стороны, если уж и принимать эту аналогию с богатством репрезентативных ресурсов всерьез, то опять же нет ничего удивительного в том, что у предложений, как и у чисел, есть много свойств, которые не применяются для отслеживания чужих ментальных состояний – у них есть масса других задач. Однако это не значит, что ментальных состояний меньше, чем предложений, или что отношения между ними проще и беднее. Наконец, если все-таки обратиться к ситуации, в которой один язык концептуально и по своей структуре богаче, чем другой, то и в этом случае мы будем иметь дело с чем-то похожим на ситуацию, в которой взрослый пытается понять ребенка. И если выразительные возможности последнего беднее, чем у первого, то это еще не является непреодолимым препятствием для взрослого в том, чтобы понять ребенка. А с другой стороны, если чьи-то теории и недоопределены в процессе радикальной интерпретации окружающих, так это именно теории ребенка; причем недоопределены, если угодно, по определению. Однако опять же такая недоопределенность никоим образом не препятствует семантическому обогащению его языка в ходе его интеллектуального развития.

Разумеется, последние замечания только косвенно говорят в пользу тезиса о неопределенности и аналогии с измерением. Однако у Дэвидсона есть ответ на возражения критиков, который звучит четко и недвусмысленно: «...достоинство этой аналогии заключается в том, что она делает понятным, почему Куайн был прав, когда настаивал ...на том, что неопределенность перевода отличается от недоопреде-

ленности теорий всеми возможными свидетельствами... эмпирически эквивалентные теории, которые она допускает как в равной мере приемлемые для понимания агента, не являются несовместимыми – по крайней мере, не более, чем измерение веса в фунтах или килограммах предполагает несовместимые теории веса» [Davidson, 2001b, p. 75–76]. Но как именно Дэвидсон разводит семантическую неопределенность и недоопределенность эмпирическими свидетельствами?

Две неопределенности

Дэвидсон вслед за Куайном признает, что есть как минимум два вида неопределенности, связанной с языком. С одной стороны, это неопределенность референции, а с другой – неопределенность истины как результат стирания границы между синтетическим и аналитическим. До сих пор речь шла только о первом виде неопределенности, который Дэвидсон формулирует следующим образом: «Нельзя сказать, какой способ сопоставления слов и вещей является правильным; если один хорош, то и бесконечное число других также хороши. С технической точки зрения это означает, что для стандартного отношения выполнимости (выполнимость – это уточненная форма референции) мы можем бесконечно долго подставлять другие отношения, не затрагивая при этом условий истинности какого-либо предложения или логические отношения между предложениями» [Davidson, 2001b, p. 78]. Главное условие здесь заключается в том, чтобы при любом корректном отношении выполнимости сохранялись все различия в референции имен и в экстенционалах предикатов. В случае с температурой это достаточно очевидно, но, например, с именами собственными уже не настолько. Особенно если учесть, что Куайна и Дэвидсона интересовал расширенный вариант неопределенности референции, применимый не только к синонимичным, но и к несинонимичным выражениям, которые «тем не менее, могут быть использованы для указания на одну и ту же мысль» [Davidson, 2001b, p. 77].

Дэвидсон, по собственному признанию, следует здесь за Тарским и его теоремой об однозначности. Ее суть заключается в том, что «если есть такие два способа определения истины для данного языка, которые удовлетворяют его ограничениям, то они эквивалентны» [Davidson, 2001a, p. 298]. И если понятие выполнимости расширить настолько, чтобы применить его к единичным терминам и именам (с тем, чтобы приписывать им сущности, которые они именуют), то мы получим даже не две, а бесконечное количество функций замещения, «которые проецируют определенным образом каждую сущность некой онтологии на другую сущность той же самой онтологии... Используйте любую из этих функций для того, чтобы переопределить

выполнимость. В результате условия истинности каждого предложения, все логические отношения с другими предложениями и отношения каждого предложения с миром останутся прежними. Не существует теоретических или эмпирических причин для того, чтобы выбрать ту или иную из этих интерпретативных схем, и никакого способа определить, какой из 'языков' различные схемы приписывают говорящему, поскольку нет никакой разницы в том, что мы приписываем» [Davidson, 2001a, p. 300]. Так, например, если в соответствии с одной схемой референции «Уилт» указывает на Уилта, а в соответствии с другой – на тень Уилта (при условии, что каждая вещь имеет одну и только одну тень), то в соответствии с первой схемой предикат «быть высоким» относится только к высоким вещам, а в соответствии со второй – только к теням вещей: «Истинностные условия здесь отчетливо эквивалентны. Если мы не делаем упор на изложение фактов, мы можем сказать, что один и тот же факт способствует истинности предложения ('Уилт высокий') в обоих случаях» [Дэвидсон, 2003, с. 319]. Первой интуитивной реакцией на это будет «Но Уилт и тень Уилта – это не одно и то же! 'Уилт', как правило, указывает именно на Уилта, а не на его тень, и 'быть высоким' относится, прежде всего, к вещам, а не к их теням». На что Дэвидсон отвечает, что отдельные слова обладают не значением, а определенной *ролью* в задании условий истинности тех предложений, в которые они входят [Davidson, 2001b, p. 79]. И эта роль должна быть систематической: если в одной схеме референции слово последовательно интерпретируется так, а в другой – иначе, но также последовательно, то в силу наличия такой последовательности и согласованности двух методов интерпретации они поддаются взаимному переводу и согласованию – подобно тому, как это происходит с температурой. Именно поэтому они, кстати, и не синонимичны, ведь от одной схемы референции к другой изменяется референция термина и экстенционал предиката. Однако условия истинности в обоих случаях эквивалентны, поскольку в каждом из них речь идет об одном и том же факте, т. е. они кореферентны. При этом об одном и том же факте можно говорить по-разному и с разных точек зрения.

Иными словами, нет одной единственной референции к данному факту с помощью определенного языкового выражения – референция к нему не закреплена за определенными словами. Это значит, в свою очередь, что относительно одного и того же факта у агента имеется множество разных и взаимосвязанных убеждений, и он может начинать с любого из них. Например, у него может быть мнение, что Уилт высокий, а также мнение, что все все высокие объекты имеют длинную тень. Но когда этот человек, интерпретируя другого, понимает, что «Уилт высокий» в его устах относится к длинной тени Уилта, то для него здесь ничего существенно не меняется по той простой

причине, что как от длинной тени Уилта можно заключить, что Уилт высокий, так и от того, что Уилт высокий, можно заключить, что у него должна быть длинная тень. Начинать можно с любого из двух (или более) убеждений относительно одного и того же факта, если при этом сохраняется эквивалентность их условий истинности. В каком-то смысле, это напоминает улыбку Чеширского Кота, общаясь с которой можно считать, что мы общаемся с самим Чеширским Котом. Иными словами, такая неопределенность свидетельствует о неограниченной *метонимичности* референции. Следовательно, одним из способов выразить различие схем референции и, соответственно, методов интерпретации, может быть, как советует Дэвидсон, написание «Уилт» с подстрочными индексами [Дэвидсон, 2003, с. 329]. В результате все, что агент может узнать нового, сводится к тому, что «Уилт» и «тень Уилта» («высокий» и «длинный») не взаимозаменяемы в его языке [Davidson, 2001b, p. 80].

В целом, описанную неопределенность можно считать тривиальной. Однако куда менее тривиальным является второй вид неопределенности. В этом случае речь идет уже о неопределенности истины целого предложения (или, если угодно, о неопределенности интерпретации в рамках конкретной теории истины). Иногда, а может быть довольно часто, наши попытки понять других сопровождаются такими неопределенностями, которые не предполагают возможности непосредственного взаимного перевода на основе сопоставления разных словарей и схем референции. Это может проявляться в наших *систематических* разногласиях с другими относительно употребления тех или иных слов. В этом случае последовательное изменение условий выполнимости уже может оказывать влияние на условия истинности предложений и бесконечное множество дальнейших интерпретаций. Если я *последовательно* называю зеленым то, что другие называют синим, то возможно, что кто-то из нас ошибается относительно названия цвета (т. е. имеет ложное убеждение); либо мы просто по-разному используем названия для этих цветов, хотя убеждения по поводу самого цвета совпадают и никто из нас не ошибается. Оба случая вполне тривиальны, и каждый по отдельности допускает возможность установить истину. В первом случае кто-то из нас неправ, во втором – никто не ошибается, надо только договориться о словах и согласовать их употребление. Однако взятые вместе эти случаи создают нетривиальную ситуацию, поскольку у меня может не быть возможности установить, какой из двух тривиальных случаев имеет место: я могу быть либо прав в своем выборе интерпретации, либо неправ. Но это значит, что мое высказывание «Это – зеленое» может быть как истинным, так и ложным, и я не могу понять, в чем именно я не совпадаю с другими – в словах или в убеждениях. Такая неопределенность, по мнению Куайна и Дэвидсона, является результатом отсутствия четкой

границы между синтетическим (первый тривиальный случай) и аналитическим (второй тривиальный случай) [Davidson, 2001b, p. 80]⁵. Судя по всему, именно этот вид неопределенности и подталкивает многих (в том числе Куайна) к сближению ее с недоопределенностью. Тем не менее, чтобы разрешить эту ситуацию, нам, полагает Дэвидсон, просто требуются дополнительные согласования (compensatory adjustments) в общей схеме интерпретации предложений и убеждений. В этом он отличается от Куайна, поскольку считает, что можно уменьшить такую неопределенность за счет расширенного применения «принципа доверия».

Языки

Действительно, в описанной выше ситуации, когда мы решаем в пользу той или иной интерпретации слов говорящего, мы уже выбрали определенную схему интерпретации его языка *в целом*. И наоборот, «если дана некоторая схема интерпретации или перевода, то мы уже решили какие слова мы можем использовать в нашем собственном языке ради интерпретации слов носителя языка» [Дэвидсон, 2003, с. 331]. Иными словами, выход из сложившейся ситуации (когда в рамках одной теории интерпретации некое предложение является истинным, а в рамках другой – ложным) заключается в том, что существует не один общий язык, которому принадлежит данное предложение, а два или более (т. е. в зависимости от того, сколько схем интерпретации данного предложения в принципе возможно). Тогда наши попытки понять другого начинаются, прежде всего, с попыток понять, на каком языке он говорит: «[в]опрос о том, на каком языке говорит некий человек, не является полностью эмпирическим; свидетельства предоставляют нам возможность выбора между языками – даже до такой степени, чтобы задавать конфликтующие между собой истинностные условия одному и тому же предложению» [Дэвидсон, 2003, с. 333]. Если отождествить каждую схему интерпретации с отдельным языком, то неопределенность интерпретации другого станет неопределенностью уже в отношении того языка, на котором он говорит. При этом он может говорить то на одном, то на другом языке, меняя общую схему референции и интерпретации: «Нет ничего странного в том, что мы можем считать, что один и тот же человек говорит на разных языках» [Дэвидсон, 2003, с. 332]. Это как если бы один и тот же человек иногда сообщал о температуре то в соответствии с одной, то в соответствии с другой шкалой измерения, и нам оставалось бы только понять, в соответствии с какой из них.

⁵ Аналитическим, в данном случае, является знание о значении слова, а синтетическим – знание о его употреблении.

Однако для того, чтобы понять на каком языке кто-то говорит, мы должны прибегнуть к упомянутым дополнительным согласованиям в отношении других приписываемых установок, т. е. не только в отношении значений: «...Эмпирические теории языка той или иной личности не существуют в изоляции: каждая такая теория служит частью более общей теории, включающей некоторую теорию его мнений, желаний и, возможно, чего-то еще. Если мы изменяем нашу интерпретацию слов некоего человека, то, если даны одни и те же совокупные свидетельства, мы должны изменить приписываемые нами ему мнения и желания» [Дэвидсон, 2003, с. 331–332]. Подбирая объекты к словам говорящего, радикальный интерпретатор одновременно подбирает и язык к его высказываниям. Однако стоит помнить, что в результате выбора языка «в других частях общей теории личности произойдет сдвиг» [Дэвидсон, 2003, с. 332]. **Иными словами, радикальный интерпретатор должен учитывать, что если языки различаются, то и вся система убеждений говорящего может иначе соотноситься с теми предложениями, которые фигурируют в двух разных языках.** Именно поэтому некоторые из этих предложений в определенной ситуации для одного языка будут истинными, а для другого – ложными. Дэвидсон называет такой ход разумным способом релятивизировать истину и референцию (точнее, объяснить факт такой относительности в нашей коммуникации с другими). И разумный он именно потому, что не ведет к онтологической относительности. Действительно, какой бы язык интерпретатор не приписал говорящему, неопределенность интерпретации означает, что с равным успехом он мог бы приписать ему и другой. Но не какой угодно, а только тот, который приблизительно с таким же успехом схватывает определенный инвариант в структуре значений и убеждений.

Очевидно, что именно допущение такого общего инварианта в структуре убеждений позволяет подбирать на его основе язык для говорящего. А это, в свою очередь, позволяет понимать значение его слов не только методом проб и ошибок [Дэвидсон, 2003, с. 334]. С другой стороны, мы не можем знать абсолютно все о желаниях, мнениях и намерениях говорящего. Это значит, что часто для того, чтобы понять его, нам необходимо допустить аналогичный инвариант в структуре его значений. В конечном счете, конкретная ситуация, поведение говорящего и прочие свидетельства не позволяют нам точно определить какой вклад в его понимание вносят мысль, желание, действие и значение по отдельности. Поэтому, заключает Дэвидсон, мы должны строить всеобъемлющие теории, многие из которых будут одинаково успешными [Дэвидсон, 2003, с. 334]. Именно такой холизм мнения, значения, желания и прочих установок и делает референцию непостижимой. Но непостижима она не в смысле эпистемологического скептицизма или агностицизма, а в том смысле, что, как постоянно

подчеркивали Куайн и Дэвидсон, «здесь нечего постигать»: не существует одной единственной референции, которая и была бы предметом нашего постижения – таких референций бесконечное множество.

Карта

Итак, в рамках аналогии с измерением интерпретация отдельного предложения подразумевает назначение ему уникального местоположения в структуре определенного языка. Причем это происходит независимо от того, какие условия истинности задают этому предложению различные теории истины, которые, однако, «согласны между собой по поводу роли предложений в языке» [Дэвидсон, 2003, с. 313–314]. Теперь же оказывается, что такое измерение ментального предполагает одновременно и вычисление того языка, на котором говорит другой человек. Если продолжить аналогию с измерением, то такое вычисление языка будет походить уже на составление *карты* рациональности говорящего. Логическое пространство, в рамках которого мы делаем предварительные наброски некоего языка, предоставляет нам своего рода шкалу рациональности, по которой мы измеряем поведение окружающих. Действительно, выбирая язык для измерения поведения окружающих, мы уже решили вопрос о том, чье именно поведение собираемся измерять – людей или животных. Измерение ментального тогда – неважно, идет ли речь о значении или убеждении говорящего – можно представить как часть общего процесса составления такой карты рациональности. И если инвариант логического пространства воспроизводится любым языком, который мы могли бы приписать говорящему, то это означает, что неопределенной теперь становится сама рациональность – возможны самые разные ее версии, которые, однако, в целом не противоречат друг другу.

Наконец, подобно тому, как неопределенность значения делает излишним представление о психологических объектах пропозициональных установок, неопределенность рациональности делает излишним представление о некоем *внутреннем пространстве* человека, в котором и находились бы эти объекты в качестве ментальных сущностей. Ведь если мы из семантических соображений отказались от категории объекта применительно к значению и убеждению, то для такого пространства просто не остается места – ему больше *ничего* репрезентировать. Карта, разумеется, это репрезентация. Однако она в данном случае однородна с тем логическим пространством, которое репрезентирует. Такая карта не предполагает никакой глубины субъективно внутреннего, а одна ее часть ничего не репрезентирует другой ее части. Ментальные состояния при этом никуда не исчезают, оставаясь в качестве тех возможных точек на карте, через которые на-

ша интерпретация прокладывает свой маршрут. Поэтому аналогия с картой – это, в каком-то смысле, просто еще один способ избежать редуционизма ментального как обязательной платы за отказ посещать «картезианский театр» или «музей ментальных сущностей».

Список литературы

- Дэвидсон, 2003 – *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. 448 с.
- Churchland, 1979 – *Churchland P.* Scientific Realism and the Plasticity of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 157 p.
- Collins, 1999 – *Collins J.D.* Indeterminacy and Intention // The Philosophy of Donald Davidson (The Library of Living Philosophers. Vol. XXVII) / Ed. by E.L. Hahn. Chicago (IL): Open Court, 1999. P. 501–528.
- Crane, 1990 – *Crane T.* An alleged analogy between numbers and propositions // *Analysis*. 1990. Vol. 4. No. 50. P. 224–230.
- Davidson, 2001a – *Davidson D.* Comments on Karlovy Vary Papers // *Interpreting Davidson* / Ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001. P. 285–307.
- Davidson, 2004 – *Davidson D.* Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 p.
- Davidson, 2001b – *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. 237 p.
- Dennett, 1987 – *Dennett D.* The Intentional Stance. Cambridge (Mas.): MIT Press, 1987. 388 p.
- Dresner, 2006 – *Dresner E.* A Measurement Theoretic Account of Propositions // *Synthese*. 2006. Vol. 1. No. 153. P. 1–22.
- Fodor, 1987 – *Fodor J.* Psychosemantics. Cambridge (Mas.): MIT Press, 1987. 171 p.
- LePore, Ludwig, 2005 – *LePore E., Ludwig L.* Donald Davidson. Meaning, Truth, Language, and Reality. Oxford: Oxford University Press, 2005. 446 p.
- Matthews, 2007 – *Matthews R.* The Measure of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2007. 267 p.
- Rawling, 2001 – *Rawling P.* Davidson's Measurement Theoretic Reduction of the Mind // *Interpreting Davidson* / Ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001. P. 237–255.
- Rawling, 2013 – *Rawling P.* Davidson's Measurement-Theoretic Analogy // *A Companion to Donald Davidson* / Ed. by E. LePore, L. Ludwig. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 247–263.
- Searle, 1987 – *Searle J.* Indeterminacy, Empiricism, and the First Person // *Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 3. No. 84. P. 123–146.

References

- Davidson D. *Istina i interpretatsiya* [Inquires into Truth and Interpretation]. Moscow: Praxis, 2003. 448 p. (In Russian)
- Churchland P. *Scientific Realism and the Plasticity of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 157 p.
- Collins J. D. Indeterminacy and Intention. In: Hahn E.L. (ed.). *The Philosophy of Donald Davidson* (The Library of Living Philosophers Volume XXVII). Chicago, IL: Open Court, 1999, pp. 501–528.
- Crane T. An alleged analogy between numbers and propositions. *Analysis*, 1990, vol. 4, no. 50, pp. 224–230.
- Davidson D. Comments on Karlovy Vary Papers. In: P. Kotatko, P. Pagin and G. Segal (eds.). *Interpreting Davidson*. Stanford: CSLI, 2001, pp. 285–307.
- Davidson D. *Problems of Rationality*. Oxford: Clarendon Press, 2004. 280 p.
- Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 237 p.
- Dennett D. *The Intentional Stance*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. 388 p.
- Dresner E. A Measurement Theoretic Account of Propositions. *Synthes*, 2006, vol. 1, no. 153, pp. 1–22.
- Fodor J. *Psychosemantics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. 171 p.
- LePore E., Ludwig L. *Donald Davidson. Meaning, Truth, Language, and Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 446 p.
- Matthews R. *The Measure of Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 267 p.
- Rawling P. Davidson's Measurement Theoretic Reduction of the Mind. In: P. Kotatko, P. Pagin and G. Segal. *Interpreting Davidson*. Stanford: CSLI, 2001, pp. 237–255.
- Rawling P. Davidson's Measurement-Theoretic Analogy. In: E. LePore, L. Ludwig (eds.). *A Companion to Donald Davidson*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013, pp. 247–263.
- Searle J. Indeterminacy, Empiricism, and the First Person. *Journal of Philosophy*, 1987, vol. 3, no. 84, pp. 123–146.